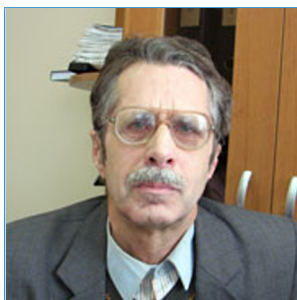

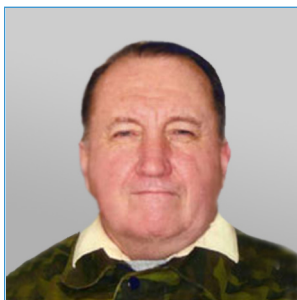
Т е м а н о м е р а : Профессионал как субъект социального действия

К о р а н в Р о с с и и : переводы и переводчики

Гаврилов Юрий Александрович – кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник Центра «Религия в современном обществе» ИС РАН

E-mail: krista8888@yandex.ru

Шевченко Александр Георгиевич – старший научный сотрудник Центра «Религия в современном обществе» ИС РАН

E-mail: krista8888@yandex.ru

Коран в России: переводы и переводчики

Аннотация

В данной статье рассказывается о попытках перевода священной книги мусульман – Корана на русский язык. Анализируя различные версии перевода и биографии самих переводчиков, авторы показывают, как переводчики Корана влияли на понимание ислама российским образованным обществом XVIII-XIX веков и способствовали усвоению элементов исламской эстетики русской литературой.

Ключевые слова: Коран, ислам, перевод, арабский язык, русская литература, интерпретация, толкование

Первые переводы Корана в России. Пётр Постников

В 1716 г. в Санкт-Петербурге по распоряжению императора Петра I была напечатана книга «Алкоран о Магомете или Закон турецкий», ставшая первым изданием главной священной книги ислама на русском языке. Долгое время автором её перевода считали известного учёного и политического деятеля, ближайшего сподвижника Петра князя Дмитрия Кантемира. Такой точки зрения придерживался и один из основоположников отечественной библиографии книгоиздатель Василий Сопиков. В его фундаментальном труде «Опыт российской библиографии», изданном в Санкт-Петербурге в 1813-1821 гг., переводчиком этой книги указан Кантемир [см. 1, т. 1, ч. 2, с. 11].

Однако в начале 60-х гг. XIX в. известный исследователь культуры петровской эпохи академик П. Пекарский обнаружил в Московском архиве иностранных дел рукопись перевода Корана. Её текст целиком и полностью соответствовал тексту издания 1716 г. При этом на последнем листе рукописи сохранилось указание, что «переводил сию книгу Пётр Постников» [2, т. 2, с. 370]. Так появление первого русского издания Корана оказалось связанным с одним из сравнительно малоизвестных, но достаточно самобытных лиц петровской эпохи, первым в России дипломированным врачом, удостоенным докторской степени западноевропейского университета.

Дошедшие до нас сведения о Петре Постникове настолько отрывочны, что неизвестны даже точные годы его рождения и смерти [см. 3-6]. Семья Постниковых в течение нескольких поколений была связана с дипломатической службой. Отец Петра, дьяк Посольского приказа Василий Постников, был видным дипломатом, принимавшим непосредственное участие в заключении «вечного мира» с Речью Посполитой в 1686 г. и подписании Нерчинского договора 1689 г. с маньчжурской Цинской империей. Неудивительно, что он стремился дать своему старшему сыну солидное европейское образование.

В 1685 г. Пётр Постников поступил в Славяно-греко-латинскую академию. За большие успехи в науках ему была предоставлена особая честь произнесения поздравительных речей на латинском и греческом языках на Рождество и Пасху перед патриархами Иоакимом и Адрианом. В 1692 г., после успешного окончания академии, Постников был отправлен отцом на учёбу в Италию. Там он поступил в один из лучших в то время в Европе Падуанский университет (случай для России конца XVII в. поистине беспрецедентный).

В 1694 г. Постникову присуждается учёная степень доктора философии и медицины. В том же году для большего усовершенствования во врачебном искусстве он отправляется в Париж. Попутно Постников посещает Брюссель, Амстердам и Лейден, где слушает лекции в местных университетах, а также активно посещает библиотеки и анатомические театры. По свидетельству современников, Постников был чрезвычайно деятельной натурой, совершенно не терпел праздности и всегда энергично стремился к научным занятиям. Он обладал весьма разносторонними знаниями, свободно владел латинским, греческим, французским и итальянским языками.

Тем не менее, полностью посвятить себя медицине Постникову так и не удалось. По словам его биографа профессора Д. Цветаева, «жизнь и деятельность первого нашего доктора выпала на такую пору, когда количество специально подготовленных лиц было слишком мало в сравнении с количеством открывшихся дел... И медик по профессии неумолимо превращается, соответственно с неотложными государственными потребностями, в дипломатического помощника, в агента, в переводчика» [4, с. 37].

В 1697 г. как человека, блестяще владеющего иностранными языками и хорошо знакомого с западноевропейской жизнью, Пётр I включил Постникова в состав своего «Великого посольства» в Западную Европу. Постников руководил закупкой лекарственных средств в Голландии, «обозревал» учебные заведения в Англии, подбирал корабельных мастеров в Венеции для приглашения на русскую службу. Попутно он вёл и весьма активную агентурную работу, выясняя состояние

Полностью посвятить себя медицине Постникову так и не удалось: «жизнь и деятельность первого нашего доктора выпала на такую пору, когда количество специально подготовленных лиц было слишком мало... И медик по профессии неумолимо превращается... в дипломатического помощника, в агента, в переводчика».

военно-морских сил европейских государств: добывал рецепт смеси для зажигательных бомб, используемых в венецианском флоте, а также выяснял, сколько пушек имеет каждый корабль венецианского и турецкого флотов и какова численность корабельных экипажей.

Однако отрыв от медицины сильно тяготил Постникова, и он всеми силами стремился вернуться к ней, в то время как у руководителей российской дипломатии были на этот счёт совсем иные планы. В 1698-1699 гг. в Карловцах (Славония) проходил международный конгресс для заключения мира между Турцией и антитурецкой «Священной лигой», куда входили Россия, Австрия, Венеция и Польша. Постникову было приказано поступить в качестве секретаря и переводчика в распоряжение известного российского дипломата П. Возницына, представлявшего на конгрессе нашу страну.

Сохранилась любопытная переписка между Постниковым и Возницыным, в которой последний в ответ на настоятельную просьбу Постникова отпустить его в Неаполь для продолжения своих учёных занятий пишет, что «живых собак мертвить, а мёртвых живить» сейчас не время ввиду того, что на конгрессе без Постникова с его знанием языков «дела делать будет некем» [3, с. 33]. Лишь после окончания Карловицкого конгресса Постникову было разрешено продолжить занятия наукой.

В 1699-1701 гг. Постников жил в Голландии, Англии и Франции, успешно совмещая изучение медицины с работой дипломатического агента. В 1701 г. он возвратился в Россию, где стал работать «доктором» в Аптекарском приказе. Однако уже в следующем году Постников был вынужден вновь перебраться в Париж, где он оставался до 1710 г. в качестве неофициального представителя русского правительства по дипломатической части. Об этом периоде его жизни известно крайне мало. Сохранившиеся документы свидетельствуют лишь о том, что русское дипломатическое ведомство далеко не всегда помнило о своём агенте, в результате чего Постников зачастую оказывался без каких-либо средств существования. Окончательно возвратившись в Россию, Постников поступил переводчиком в Посольский приказ. После 1712 г. его имя из официальных документов исчезло и следы потерялись.

Активная литературно-переводческая деятельность Постникова относится, по всей видимости, к последнему периоду его жизни, а во время пребывания за границей в обширный круг его обязанностей входила закупка иностранных книг. Им была привезена и передана в Посольский приказ весьма приличная библиотека, включающая книги самого разнообразного содержания: от изданий по военному и морскому делу до юридических и богословских трактатов.

В числе книг, закупленных Постниковым за границей, находилось издание Корана на французском языке, вышедшее в Париже в 1672 г. Это было второе издание французского перевода главной священной книги ислама, выполненного французом Андре дю Рие, известным ориенталистом и дипломатом, долгое время проживавшим в Турции и Египте. Его перу принадлежали первая в Европе грамматика турецкого языка, а также многочисленные труды в области арабской, персидской и турецкой литератур. Несмотря на целый ряд неточностей, произвольных сокращений и перестановок текста, перевод дю Рие в течение полутора столетий пользовался огромной популярностью в Европе. Именно он и послужил источником первого перевода Корана на русский язык, выполненного Постниковым.

Сравнение русского текста издания 1716 г. с работой дю Рие показывает, что Постников очень точно следовал за французским текстом. Издание открывается предуведомлением «К читателю». В нём дю Рие высказывает своё резко отрицательное отношение к Корану, находясь во власти расхожих представлений об исламе, господствовавших в Европе в XVII в. Примечательно, что в большинстве сохранившихся экземпляров русского издания данное предуведомление отсутствует. В этой связи существует предположение, будто его изъяли из уже набранного текста по личному указанию императора Петра I как крайне оскорбительное для мусульман.

В следующем за предуведомлением предисловии «О вере турецкой» об исламе говорится уже гораздо более корректно и обстоятельно. В нём рассказывается о значении, которое придают мусульмане главным местам своего паломничества – Мекке и Медине, о существовании у мусульман школ и госпиталей при мечетях, а также об обычае многожёнства в мусульманских странах. Третья часть, озаглавленная «Алкоран о Магомете», содержит непосредственный перевод французского текста Корана.

Разумеется, сравнивать текст Постникова с оригиналом главной священной книги ислама не представляется возможным. Перевод самого дю Рие настолько далеко отходит от арабского текста, что его вторичная передача ещё на один язык не позволяет предъявлять к переводу Постникова какие-либо серьёзные требования в смысле адекватности арабскому оригиналу. Сразу же обращает на себя внимание неверный перевод заглавия «L'Alcoran de Mahomet»: оно передано как «Алкоран о Магомете» вместо «Алкоран Магомета». Частица «de» в данном случае переведена как предлог «о», хотя она на самом деле всего лишь указывает на форму родительного падежа. Интересно при этом, что в самом тексте Постников с этой грамматической формой успешно справился.

Следует отметить, что учёным-востоковедом Постников никогда не был. Перевод Корана в числе многих других иностранных книг, привезённых им из Европы, был для него лишь эпизодом многосторонней научной, дипломатической и литературной деятельности. Поэтому незнание Постниковым специфики источника и коранических сюжетов подчас приводило его к курьёзам: в рассказе о ночном путешествии пророка Мухаммада на небо он упомянул, например, чудесное животное Бюрабланк, хотя в оригинале речь шла о белом коне Бураке. Тем не менее, это нисколько не умаляет историческое и общекультурное значение труда Постникова, поскольку именно с его помощью русские люди впервые смогли ознакомиться с кругом идей и образов главной священной книги мусульман.

Работа Постникова оказалась не единственной попыткой перевода Корана на русский язык в петровскую эпоху. В 1913 г. известный историк В. Срезневский обнаружил в Северной коллекции Рукописного отдела Библиотеки Академии наук в Санкт-Петербурге рукопись, озаглавленную «Алкоран или закон магометанский. Переведённый с арапского на французский язык через господина дю Рие». Происхождение и авторство этой рукописи остались неясными, но палеографические особенности позволили датировать её первой четвертью XVIII в. Помимо предуведомления «К читателю» и «Краткого предисловия о вере турецкой» рукопись содержала перевод двадцати сур Корана из вышеупомянутой книги дю Рие, озаглавленный «Закон Магометанский».

Главная отличительная особенность этого перевода – стремление к более точной, чем в труде Постникова, передаче текста французского оригинала. Академик И. Крачковский, детально проанализировавший все русские переводы Корана с книги дю Рие, отметил постепенно повышающийся уровень от не вполне точного первого перевода П. Постникова до вышедшего в 1790 г. перевода М. Верёвкина, обладавшего уже серьёзными литературными достоинствами. Среднее положение между этими двумя переводами как раз и занимает рукопись, найденная Срезневским [см.: 7, т. 1, с. 175-181].

Находка анонимной рукописи убедительно подтвердила тот факт, что первый русский перевод Корана, выполненный Петром Постниковым, не был случайным и единичным явлением в культурной жизни петровской России. Оба эти перевода являются наглядным свидетельством пробуждения интереса в русском образованном обществе к изучению малоизвестной ему мировой религии – исламу.

Учёным-востоковедом Постников никогда не был. Перевод Корана в числе многих других иностранных книг, привезённых им из Европы, был для него лишь эпизодом многосторонней научной, дипломатической и литературной деятельности.

Первый научно комментированный перевод Корана. Алексей Колмаков

В 1792 г. в Санкт-Петербурге появилось издание в двух частях главной священной книги ислама на русском языке под названием «Ал Коран Магомедов, переведённый с арабского языка на английский с приобщением к каждой главе на все тёмные места изъяснительных и исторических примечаний, выбранных из самых достовернейших историков и арабских толкователей Ал Корана Георгием Сейлем». Книга была издана в типографии Петербургской академии наук на средства ранее упомянутого книгоиздателя и библиографа В. Сопикова [см.: 8, т. 1, с. 26-27].

Перевод текста Корана осуществил Алексей Васильевич Колмаков – профессиональный переводчик с английского языка в Адмиралтейской коллегии. Ранее он переводил книги прикладного и технического характера, такие, например, как «Карманная книжечка для исчисления количества воды, вытекающей из трубы, отверстия или по желобам». Известны и переведённые А. Колмаковым произведения популярных в то время английских писателей Стерна и Адиссона. В 1791 г. он выпустил и сборник собственных стихотворений. Скончался переводчик в 1804 г.

Источником перевода Корана, выполненного А. Колмаковым, послужил английский перевод. Он был издан в Лондоне в 1734 г. и принадлежал известному английскому арабисту Джорджу Сэлю. Примечателен выбор для нового русского перевода именно этого труда. В научном отношении он многократно превосходил переводы Корана на другие европейские языки. Дело в том, что английский учёный в значительной степени использовал результаты фундаментального научного исследования, проделанного выдающимся арабистом из Италии Лодовико Мараччи.

В 1698 г. в итальянском городе Падуе Л. Мараччи издал текст Корана с параллельным латинским переводом, а также с обширными филологическими и историческими комментариями к нему. Труд Л. Мараччи стал эпохальным явлением для всей европейской ориенталистики XVII-XVIII вв. Он предпринял по сути дела первую попытку научного комментированного перевода Корана, широко используя сочинения средневековых арабских комментаторов, многочисленные выдержки из которых также сопровождались латинским переводом.

При подготовке своего перевода Корана на английский язык Дж. Сэль весьма активно использовал комментарии Л. Мараччи. При этом он несколько упростил их, приспособив

Перевод текста Корана осуществил Алексей Васильевич Колмаков – профессиональный переводчик с английского языка в Адмиралтейской коллегии. Он переводил книги прикладного и технического характера. Известны и переведённые им произведения популярных английских писателей. Он выпустил и сборник собственных стихотворений.

для восприятия более широкого круга читающей публики. Этот труд Дж. Сэля вместе с его комментариями на основе исследования Л. Мараччи и был переведён А. Колмаковым на русский язык [см. 9, ч. 1, с. 198].

Под одной обложкой с переводом А. Колмакова был также помещён перевод труда Г. Придо «Обстоятельное и подробное описание жизни лжепророка Магомеда», особенно интересного тем, что он содержал обширные выдержки из работ «достовернейших арабских, еврейских, халдейских, греческих и латинских писателей» об исламе [см. 8, т. 1, с. 27]. Эта часть книги в том же году была выпущена отдельным изданием.

Таким образом, работа Алексея Колмакова стала первой в российской истории попыткой научно-комментированного русского перевода главной священной книги ислама.

Коран как величайший поэтический шедевр. Михаил Верёвкин

Стремление правительницы Российской империи Екатерины II постоянно демонстрировать свою веротерпимость, лояльное отношение ко всем вероисповеданиям, коснулось и Корана. В 1787 г. в Санкт-Петербурге вышло первое в России издание главной священной книги мусульман на арабском языке. Однако такое событие отражало не только личное желание государыни, но и, несомненно, бурный всплеск интереса русского общества к исламу, его вероучению.

На арабском языке Коран могли читать лишь единицы, а его русский перевод, изданный в 1716 г., к концу столетия стал практически недоступным. Всё это предопределило появление в конце XVIII в. новых русских переводов Священной книги. Наибольшее значение имел перевод, изданный в 1790 г. и выполненный Михаилом Ивановичем Верёвкиным (1732-1795), популярным в то время литератором и переводчиком [см. 10].

Вот основные вехи его биографии.

Верёвкин принадлежал к незнатному, но достаточно древнему дворянскому роду, восходящему к началу XVI в. Отец писателя был одним из денщиков первого российского императора Петра I, выполнявшим наиболее важные поручения государя. Сам будущий литератор с 1742 г. обучался в Сухопутном шляхетском, а затем в Морском корпусе в Санкт-Петербурге, после чего проходил службу на военных кораблях Балтийского флота.

На флоте Верёвкин проявил незаурядные способности к иностранным языкам и обратил на себя внимание видного учёного-гидрографа, будущего адмирала А. Нагаева, который с 1749 г. стал привлекать молодого мичмана к переводу фран-

В 1787 г. в Санкт-Петербурге вышло первое в России издание Корана на арабском языке. Это событие отражало не только личное желание государыни, но и, несомненно, бурный всплеск интереса русского общества к исламу, его вероучению.

На флоте Верёвкин проявил незаурядные способности к иностранным языкам и обратил на себя внимание видного учёного-гидрографа, будущего адмирала А. Нагаева, который с 1749 г. стал привлекать молодого мичмана к переводу французских и немецких книг по морскому делу.

цузских и немецких книг по морскому делу. С перевода французского трактата «Фарватеры, мели, надводные и подводные камни, буруны, якорные места, приливы, отливы морские на всей поверхности земной» началась многолетняя деятельность Верёвкина-переводчика. В 1755 г. в звании корабельного секретаря Верёвкин уходит в отставку, а в следующем году назначается ассессором только что созданного Московского университета. В 1758 г., после сенатского указа об учреждении гимназии в городе Казани, 26-летний Верёвкин становится её первым директором.

При основании этого учебного заведения в нём насчитывалось всего лишь 14 учеников, отсутствовали средства на их содержание, не было ни постоянных преподавателей, ни помещений для занятий. Однако уже через год в Казанской гимназии обучалось 95 человек, преподавались латинский, французский и немецкий языки, а также арифметика и геометрия, музыка и рисование, фехтование и танцы. В 1759 г. Верёвкин предпринял попытку введения преподавания татарского языка, но это удалось осуществить лишь при его преемниках, после императорского указа Екатерины II об учреждении в Казанской гимназии специального татарского класса.

В 1763 г. Верёвкин получает особую должность переводчика книг при личном кабинете Екатерины II. В 1773-1775 гг., во время пугачёвского восстания, он пребывал на посту начальника походной канцелярии генерал-аншефа графа П. Панина, возглавлявшего боевые действия против повстанческой армии Емельяна Пугачёва, причём неоднократно «употреблялся в опасные проезды» [11, с. 400]. С 1776 г. Верёвкин находился на различных административных и судебных должностях в Новгородской и Тверской губерниях, совмещая службу с активной литературной деятельностью.

В 1781 г. Верёвкин выходит в отставку в чине действительного статского советника. Обосновавшись в своём подмосковном имении Михалёво близ города Клин, он отдаёт все силы литературной работе. В 1782 г. Верёвкин избирается членом-корреспондентом, а в 1785 г. — действительным членом Российской академии, принимает самое активное участие в составлении Толкового словаря русского языка, издававшегося в 1789-1794 гг. Оригинальным явился филологический труд Верёвкина под названием «Опыт выбора нарочитых слов из Священного Писания», содержащий сравнительный анализ русской библейской терминологии с латинским, немецким и французским переводами Библии. Большой популярностью пользовались поэтические и драматические произведения Верёвкина.

Однако наибольшее значение имела деятельность Верёвкина-переводчика. Прежде всего, обращает на себя внимание колоссальный объём выполненных им переводов ино-

В 1758 г., после сенатского указа об учреждении гимназии в городе Казани, 26-летний Верёвкин становится её первым директором. Сначала в ней насчитывалось всего лишь 14 учеников, отсутствовали средства на их содержание, не было ни постоянных преподавателей, ни помещений для занятий. Однако уже через год в здесь обучалось 95 человек, преподавались латинский, французский и немецкий языки, арифметика, геометрия, музыка, рисование, фехтование и танцы.

странных книг – ни много, ни мало он составляет 146 томов! Тематика переведённых им книг также весьма разнообразна: исторические, юридические и педагогические трактаты, биографии, в числе которых первая в России книга о древнекитайском мыслителе Конфуции, переведённая с французского языка, книги по географии и сельскому хозяйству.

Переводы Верёвкина всегда имели огромное просветительское значение. Они содействовали умственному обогащению современного общества и были широко распространены в читательских кругах. Это целиком и полностью относится и к книгам, посвящённым мусульманскому Востоку, которые в переводческом наследии Верёвкина занимали немалое место; из них следует прежде всего выделить обширное сочинение аббата Миньона «История Оттоманской империи» и трактат Игнаса д’Оссона «Полная картина Оттоманской империи». Последняя книга представляла особый интерес для российских читателей, желавших получить какие-либо сведения о вероучении ислама. Первый её раздел содержал изложение «законоположения магометанства», а в особом приложении «О зданиях около мечетей» приводились данные о действующих при мечетях Турции медресе, библиотеках, гостиницах и больницах.

Таким образом, определённое знакомство с исламом и Востоком не было чуждо Верёвкину. Это и предопределило его работу над переводом Корана, озаглавленным «Книга Аль-Коран аравлянина Магомета, который в шестом столетии выдал оную за ниспосланную к нему с небес, себя же последним и величайшим из пророков Божиих». Данная книга в двух частях была издана в Санкт-Петербурге в 1790 г. Перевод Верёвкина не был сделан с оригинала. Основой для него, как и для перевода Постникова, послужил французский перевод Корана, выполненный в 1647 г. Андрэ дю Рие, который, как уже говорилось ранее, пользовался огромной популярностью во всей Европе в течение полутора веков.

Подобного рода «перевод с перевода», выполненный Верёвкиным, конечно, нельзя считать адекватной передачей текста Корана. Вместе с тем, этот перевод характеризуется не только достаточно точным воспроизведением своего оригинала, но и весьма высокими художественными достоинствами. Изложенный простым и ясным языком, он очень выгодно отличается от других запутанных и многословных переводов Корана, появившихся затем в России. Не владея арабским языком и, вследствие этого, будучи не в состоянии передать общую окраску языковой среды, из которой вышел Коран, автор заменил его церковнославянским элементом. Это придало языку перевода высокую торжественность, типичную для всех православных религиозных книг. Примечательно, что после перевода Верёвкина широкое использование церковнос-

лавянской лексики становится характерной особенностью всех русских переводов Корана в XIX в., в том числе и выполненных с арабского оригинала.

Верёвкина можно было бы упрекнуть в ошибках и неточностях при передаче содержания Корана. Но ему никак нельзя отказать в большой внимательности при воспроизведении поэтических особенностей и образного строя текста главной священной книги мусульман. Верёвкин впервые в русской литературе подошёл к Корану не только как к выдающемуся религиозному произведению, но и как к величайшему поэтическому шедевру. Не случайно именно перевод, выполненный Верёвкиным, по мнению исследователей, в 1824 г. вдохновил А. Пушкина на создание его гениального поэтического цикла «Подражания Корану» [см. 12].

Перевод Корана с языка оригинала. Дмитрий Богуславский

Первым официальным переводчиком Корана с арабского языка считается Гордий Саблуков. Однако перевод, осуществлённый Саблуковым в 1878 г., не был единственным в 70-е гг. XIX в. За семь лет до него появился никому не известный перевод главной священной книги ислама с языка оригинала, авторство которого принадлежало генералу Дмитрию Богуславскому.

Дмитрий Николаевич Богуславский (1826-1893) – весьма примечательная и не до конца ещё оценённая фигура в истории российского востоковедения XIX в. Биографических сведений о нём сохранилось крайне немного. Известно лишь, что он был профессиональный военный, в 1841 г. закончивший Михайловское артиллерийское училище и с этого же года числившийся на военной службе. В 1848 г. имя поручика Богуславского упоминалось среди офицеров артиллерийской части, расквартированной в городе Тарусе Калужской губернии.

Служба молодого офицера, по-видимому, проходила довольно успешно, поскольку была замечена начальством. В первой половине 1850-х гг. Богуславский служил в Варшаве при наместнике в Царстве Польском князе Михаиле Горчакове. По его поручению Богуславский осуществлял сбор материалов для истории проходившей в 1853-1856 гг. Крымской («Восточной») русско-турецкой войны. По всей вероятности, именно в этот период времени у него зародился серьёзный научный интерес к Востоку.

В 1856 г. Богуславского, уже в чине полковника, перевели в Санкт-Петербург, назначив его старшим адъютантом при дежурном генерале Главного штаба. Пользуясь

Дмитрий Николаевич Богуславский был профессиональный военный, в 1841 г. закончивший Михайловское артиллерийское училище и с этого же года числившийся на военной службе.

В 1856 г. Богуславского, уже в чине полковника, перевели в Санкт-Петербург, назначив его старшим адъютантом при дежурном генерале Главного штаба. Пользуясь своим пребыванием в северной столице, он сумел самостоятельно приобрести солидную востоковедческую подготовку и экстерном закончить курс факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета.

своим пребыванием в северной столице, он сумел самостоятельно приобрести солидную востоковедческую подготовку и экстерном закончить курс факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета. Декан этого факультета, выдающийся отечественный востоковед член-корреспондент Петербургской академии наук А. Казем-бек не случайно назвал Богуславского «достойным ориенталистом».

Авторитет Богуславского как крупнейшего знатока Востока в военной среде был достаточно высок, а потому отношением военного министра от 17 сентября 1859 г. он был прикомандирован к пленённому 26 августа того же года фельдмаршалом А. Барятинским имаму Шамилю. При этом, «как хорошо знакомому с языком Шамиля и восточными нравами», ему поручались «все распоряжения по пребыванию Шамиля в Москве и Санкт-Петербурге» [13, с. 294], а затем его препровождение на постоянное место жительства в Калугу.

Богуславский довольно успешно справился с данным поручением, организовав приём почётного пленника в обеих столицах, после чего 10 октября 1859 г. прибыл с ним в Калугу. Там он оставался при Шамиле ещё целых два месяца. За всё это время у Богуславского установились настолько близкие и доверительные отношения с имамом, что последний выражал глубокое сожаление, когда Богуславского в конце 1859 г. сменил капитан Руновский. Дружеские отношения между Богуславским и Шамилем сохранялись и впоследствии, о чём, в частности, наглядно свидетельствует сохранившееся письмо имама Богуславскому на арабском языке, датированное июнем 1869 г.

В 1862-1870-х гг. Богуславский служил драгоманом (официальным переводчиком при дипломатических представительствах и консульствах в странах Востока) Министерства иностранных дел. Он часто бывал в Турции, а с 1870 г. занимал должность первого драгомана российского посольства в турецкой столице Константинополе. В эти годы востоковедческие интересы Богуславского значительно расширились. Он активно занимался переводами на русский и французский языки произведений арабской, персидской и турецкой литературы, причём среди переведённых им книг была широко популярная арабская антология «Сорок хадисов».

К этому же времени относится близкое знакомство Богуславского с жившими в Константинополе известными общественными и литературными деятелями мусульманского мира. В их числе был персидский либеральный деятель, просветитель, публицист и дипломат Мирза Мальком-хан (1833-1908), который в 1864 г. представил своему русскому другу собственный проект реформы арабского алфавита.

В 1862-1870-х гг. Богуславский служил драгоманом (официальным переводчиком при дипломатических представительствах и консульствах в странах Востока) Министерства иностранных дел. Он часто бывал в Турции, а с 1870 г. занимал должность первого драгомана российского посольства в Константинополе. В эти годы он активно занимался переводами на русский и французский языки произведений арабской, персидской и турецкой литературы.

Дружеские отношения установились у Богуславского и со знаменитым арабским поэтом Ризкаллахом Хассуном (1823-1878) – первым переводчиком великого русского баснописца И. Крылова на арабский язык. Уже в 20-е гг. XX в. в библиотеке Ленинградского Восточного Института был обнаружен экземпляр сборника басен Крылова в переводе Хассуна, изданный в Лондоне в 1867 г., со стихотворным автографом переводчика, посвящённым Богуславскому. По возвращении в Россию Богуславский получил чин генерал-лейтенанта, после чего он служил в Военно-учебном комитете Главного штаба.

Работа над переводом Корана относится, по всей видимости, к константинопольскому периоду жизни Богуславского, так как рукопись перевода датирована маем 1871 г. Первая часть рукописи, озаглавленная «Коран, с арабского переведённый генералом Д. Н. Богуславским», содержит собственно перевод Корана, переписанный набело на 418 листах большого формата. В тексте имеется большое количество поправок, сделанных автором в разное время и свидетельствующих о том, что работу над этим переводом Богуславский продолжал также и в последующие годы. Вторая часть на 56 листах сопровождается надписью «Комментарии к переводу Корана Д. Н. Богуславского». Тексту перевода предпослано авторское предисловие, в котором говорится об обстоятельствах появления данного труда и его основных особенностях.

По словам Богуславского, «перевод этот не предназначался к печатанию. Живя долгое время на Востоке и занимаясь в свободное от службы время мусульманской литературой, я начал перечитывать внимательно Коран, делать из него выписки и переводить самые трудные и тёмные места, пользуясь комментариями мусульманских учёных. Это меня заинтересовало, и я незаметно перевёл почти весь Коран. Возвратясь в Россию, я узнал, что существует русский перевод Корана, но не с подлинника, а с французского перевода Казимирского. Взяв этот последний перевод и начав его сличать с подлинником, я заметил большие отступления и неточности, а в некоторых местах Корана смысл перевода был даже прямо противоположен смыслу арабского подлинника... Это дало мне мысль окончить мой перевод и дополнить его комментариями и объяснительными примечаниями, взятыми исключительно из мусульманских источников» [13, с. 297-298].

Говоря о русском переводе Корана, Богуславский имел в виду весьма популярный в то время в России перевод К. Николаева, осуществлённый в 1864 г. с французского текста Корана, переведённого с оригинала известным ориенталистом А. Биберстейн-Казимирским. Несмотря на всю свою ясность и удобочитаемость, благодаря чему данный перевод находился в читательском обиходе вплоть до 1920-х гг., он всё же не мог адекватно передать содержание главной священной

книги мусульман. Вот почему Богуславский особо подчеркнул основную задачу своего труда – составить наиболее точный и по возможности буквальный перевод коранического текста, опираясь на комментарии мусульманских учёных.

В качестве ведущего руководства Богуславский использовал трактат «Меуакиб» турецкого богослова Измаила Фаррух-эфенди, изданный в Константинополе в 1870 г. Привлечение европейской научной литературы в намерения переводчика не входило, хотя, судя по упоминаниям в предисловии, Богуславский был достаточно хорошо знаком и с наиболее крупными явлениями европейской ориенталистики 1960-х гг.

По оценке академика И. Крачковского, труд Богуславского, как и изданный в 1878 г. перевод Корана, выполненный Саблуковым, являлся не столько раскрытием действительного содержания главной священной книги ислама, сколько отражением её толкований мусульманскими богословами. Разница между этими двумя переводами состояла лишь в том, что Саблуков использовал богословские комментарии Корана, популярные у казанских татар, тогда как Богуславский – коранические толкования турецких богословов.

Такой подход, по мнению Крачковского, имел свои основания и был весьма важен для изучения эволюции мусульманской мысли. В то же время перевод Корана с использованием всех достижений не только традиционной мусульманской, но и европейской научной мысли, явился задачей уже следующего, XX века. В предисловии не упомянуто, по какому тексту Корана Богуславский сделал свой перевод. Скорее всего, это могло быть одно из казанских изданий, либо лейпцигское издание Г. Флюгеля, вышедшее в 1834 г.

Несмотря на хорошее знание восточных языков и мусульманской литературы, Богуславский всё же не являлся специалистом в области арабистики, а потому его труд был не свободен от отдельных недостатков и неточностей. На них впоследствии указал Крачковский при сравнении существовавших до него русских переводов Корана. Так, например, при переводе Богуславским известного рассказа про царя Соломона и царицу Савскую, название птицы «хухуд», даже фонетически соответствующее русскому названию «удод», передано словом «кукушка».

Вместе с тем было бы ошибочным считать, что эта работа Богуславского была хуже или менее значительной какого-либо европейского перевода Корана его времени, в том числе и опубликованного русского перевода Саблукова. Тем не менее, в отличие от последнего, труд Богуславского остался тогда неопубликованным и совершенно неизвестным российскому читателю. В 1897 г., через четыре года после его смерти,

вдова генерала передала рукопись перевода в Петербургскую Академию наук, одновременно обратившись с ходатайством об её издании на средства Академии.

Видный российский востоковед-арабист В. Розен, внимательно ознакомившись с трудом Богуславского, дал своё заключение о нецелесообразности его академического издания, сославшись при этом на наличие перевода Саблукова. Одновременно он отметил, что «перевод генерала Богуславского отличается крупными достоинствами и в общем не уступает переводу Саблукова... Поэтому нельзя не признать весьма желательным, чтобы нашёлся издатель для перевода генерала Богуславского» [13, с. 296].

Однако издателя перевода Корана Богуславским ни в то время, ни позднее, к сожалению, так и не нашлось. Более того, рукопись в течение тридцати лет практически находилась в неизвестности. Только в 1928 г. она была обнаружена и детально исследована академиком Крачковским. Что же касается издания данного труда, то его удалось осуществить лишь в самом конце XX в. Презентация издания Корана в переводе генерала Богуславского прошла на Московской международной книжной выставке-ярмарке 1995 г.

Библиографический список

1. Сопиков В. С. Опыт российской библиографии. Репринтное издание в 2 томах. – СПб.: Альфарет, 2006.
2. Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом. В 2-х томах. – СПб., 1862.
3. Шмурло Е. Постников: Несколько данных для его биографии. – Юрьев, 1894.
4. Цветаев Д. В. Медики Московской России и первый русский доктор: Историко-биографический очерк. – Варшава, 1896.
5. Богословский М. М. Русское общество и наука при Петре Великом. – Л., 1926.
6. Родюков М. В. Новые источники о первом русском докторе медицины П. В. Постникове // Археографический ежегодник за 1985 год. – М.: Наука, 1986.
7. Крачковский И. Ю. Избранные сочинения. В 6 тт. – М.: Изд-во АН СССР, 1956-1958.
8. Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725-1800. В 5 тт. – М., 1962-1966.

9. Крымский А. Е. История арабов и арабской литературы, светской и духовной (Корана, фикха, сунны и пр.). Ч. 1-3. – М., 1911-1913.
10. Тупиков Н. Михаил Иванович Верёвкин: Историко-литературный очерк. – СПб., 1895.
11. Послужной список действительного статского советника Михаила Ивановича Верёвкина // Москвитянин. 1842. № 12.
12. Кашталёва К. С. «Подражания Корану» Пушкина и их первоисточник // Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее Академии наук СССР. Л., 1930. Т. 5.
13. Крачковский И. Ю. Перевод Корана Д. Н. Богуславского // Советское востоковедение. – М.-Л., 1945. Т. 3.